

Занятия начались без каких-либо казусов, и Гермиона почувствовала, как в животе поселилось долгожданное облегчение. Она сидела рядом с Гарри за одной партой так, будто не случилось ни война, ни перераспределение. Лишь галстуки были разных цветов. Всё шло своим чередом.

Новым преподавателем по Трансфигурации был худощавый краснолицый шотландец, которого звали профессор Бьюкенен. Хотя в его речи и присутствовал акцент, он не был слишком трудным для понимания; у него были мясистые руки, которыми он бурно жестикулировал в воздухе, а ещё профессору нравилось смеяться. Конечно, по сравнению с МакГонагалл он был совершенно иным, но казался при этом знатоком.

Класс быстро перешёл к теме урока, начав его с превращения цыплят в кошек. Поскольку до этого студенты проходили лишь полиморфизм, Гермионе перемены казались интересными.

— И как у тебя так быстро получается? — бушевал Гарри. Его курица укоризненно мяукнула в ответ.

— Тебе надо сосредоточиться, — прошептала она.

Гарри закатил глаза, его лицо исказилось в гримасу:

— Я уже сосредоточился.

«Да, — самодовольно подумала Гермиона, — всё идёт своим чередом».

Травология прошла в той же тональности. Они вместе с Гарри и Роном спустились к теплицам, шагали между рядами смоковниц.

— Гермиона, — произнёс Рон с насмешливой серьёзностью, — как я сдам ЖАБА без тебя?

— Я не собираюсь помогать тебе «в поиске слов» для твоих эссе в этом году, Рональд.

Он усмехнулся, каким-то образом умудрившись при этом выглядеть умоляюще-безразличным-ко-всему одновременно.

— Ты всегда так говоришь...

Позже вечером Гермиона замешкалась перед знакомой парой дверей. В Большом зале подавали ужин, и хотя она была голодна после первого дня занятий, было кое-что, в чём она должна была убедиться в первую очередь...

Затаив дыхание, девушка потянула за ручку двери и шагнула в библиотеку. Перед ней восседали на полках её старые друзья, они, казалось, были единственными вещами в замке, оставшимися нетронутыми после битвы за Хогвартс в мае прошлого года. Высокие узкие колонны книг возвышались к потолку, необыкновенные остатки знаний и теорий, только и ждущие, чтобы их прочесали...

Она настороженно огляделась. Кроме мадам Пинс да нескольких четверокурсников с факультета «Слизерин», сидевших за дальним столом, никого и не было. Немногие решили прийти в библиотеку в первый же учебный день — особенно во время ужина, — но Гермиона Грейнджер пришла.

Убедившись, что никого нет рядом, девушка глубоко вдохнула аромат книг. Пергамент, умственные способности, заложенные в строках, старые чернила...

— Это и тревожит, и несколько возбуждает, Грейнджер...

Гермиона повернулась и столкнулась лицом к лицу с Теодором Ноттом. Поскольку ей почти ничего не было известно про бывшего слизеринца, кроме того, что его отец был Пожирателем Смерти, она тут же насторожилась.

— Тео Нотт, — представился он, протягивая ей ладонь. Волшебник был высоким, худым и, казалось, немного склонился, походя на неустойчивую башню. Его светлые волосы были коротко подстрижены, зелёные глаза скрывались за очками в роговой оправе. Грейнджер заметила, что на нём уже сидел не зелено-серебряный галстук, а скорее красно-золотой. Она с подозрением взглянула на протянутую руку.

— Почему ты представляешься?

— По-моему, это называется «манерами», — ответил он игриво. — Но я начинаю понимать, что гриффиндорцы не особо-то о них и волнуются.

Она вызывающе подняла подбородок:

— Я уверена, что не понимаю, о чём ты говоришь. Гриффиндорцы всегда были добры ко мне.

— Возможно, тебе там самое место... В отличие от змеи, покоящейся в логове льва.

Девушка тут же захлопнула рот. Она не могла отрицать, что сама мысль о сне сына Пожирателя Смерти в Гриффиндорской башне была ей неприятна, несмотря на то, что изначально перераспределение должно было способствовать межфакультетскому единству. Тео внимательно посмотрел на неё:

— Я могу только предположить, что ты ощущаешь себя не в своей тарелке в Когтеване. Я

потрясён, как МакГонагалл могла пропустить роспуск Золотого трио мимо ушей.

«Он пытается заставить меня разрываться от противоречивых чувств», — поняла она. Улыбаясь с насмешливой слащавостью, она ответила:

— Всего лишь раздвигаю границы, Нотт.

— Хм, — задумчиво произнёс он, — полагаю, именно по этой же причине им пришлось запихнуть и меня, и Долгопупса в Гриффиндор... Слишком много хорошего и всё такое.

— Невилл вдвое лучше тебя, — уверенно заявила девушка парню. Забавляясь, тот лишь скептически поднял бровь и спросил:

— Правда?

— Чёртов Слизерин, — пробормотала она себе под нос.

— Как может кто-то столь умная быть столь фантастически невежественной? — спросил он с многострадальным вздохом. Гермиона задрала нос и попыталась отойти от него, но прежде чем успела сделать хоть шаг, парень заметил: — Полагаю, ты ожидала, что я подойду к тебе и сразу же обзову «грязнокровкой»?

— Десять баллов с Гриффиндора за твой язык, Нотт, — яростно прошипела она и зашагала прочь.

Он крикнул ей вслед:

— Вон там есть укромный уголок, Грейнджер... так что можешь спокойно предаваться книгам!

— У меня личный кризис, — объявила Гермиона, заняв место на одной из скамеек Пуффендуя, где Рон, Симус и Гарри с Джинни уже ужинали.

— Уже? — спросила Джинни.

— Почему? — спросил Рон более дружелюбным тоном.

— Я только что отняла баллы у Гриффиндора и не испытала ни малейшего раскаяния.

Гарри с Джинни рассмеялись, стоило услышать её голос, а Рон пристально на неё посмотрел.

— Старосты и сейчас могут забирать баллы у факультетов? — поинтересовался Симус.

— Только старосты седьмого и восьмого курсов, а мы всего лишь не можем их начислять.

— Знаете, что ещё хуже? — возразила Джинни. — Я должна попытаться изо всех сил попасть в команду Слизерина по квиддичу. Удача будет на их стороне, стоит только взять меня!

— И мне надо попробовать, — напомнил ей Гарри, — а я был капитаном гриффиндорской сборной.

— Пятикурсник назвал меня «Дай-дуйкой», — жаловался Симус. — И почему пуффендуйцы получают столько дерьма?

— По крайней мере, никому из вас не приходится дважды в неделю патрулировать с Малфоем, — прошипела Гермиона.

Все выжидающе взглянули на Рона.

— Чего? — заикаясь, спросил тот, пока засовывал ложками картофельное пюре себе в рот. — Я совершенно счастлив в Пуффендуде. Хотя у нас водится Паркинсон... Но пока что все в основном только подшучивают на ней, а это всегда весело.

В тот вечер Гермиона встретила Малфоя возле башни Когтеврана. Эрни тоже там был и, в качестве командующего, раздавал указания о местах патрулирования. Гриффиндорские старосты должны были заняться верхними этажами, а им предстояло ходить по нижним, включая подземелья.

— Мы с Падмой решили провести собрание со всеми завтра вечером до начала работы школьных кружков, — сообщил Эрни старостам. — Класс Древних Рун на шестом этаже, ровно в семь часов.

Закончив говорить, Эрни повернулся, чтобы вернуться в Когтевранскую башню. Хранительница спросила:

— Я прохожу сквозь города и холмы, но не сдвинусь с места, как ни проси.

— Э-э, — неуверенно ответил он. Бронзовая голова орла в центре двери хранила молчание.

Каждый входящий в гостиную должен был ответить на загадку, и всякий раз она менялась. У Гермियोны до сих пор не возникало с этим никаких проблем. А вот у Эрни... Грейнджер решила ответить за него.

— Дорога.

— Верно, — ответила орлиная голова, и дверь распахнулась.

— Спасибо, — произнёс староста, возможно смущённый незнанием ответа и потому не встретившийся с ней взглядом, а затем быстро скрылся внутри.

Малфой с усмешкой посмотрел на то место, где мгновение назад стоял Эрни.

— Загадка была лёгкой. Он должен был знать ответ.

Не желая вступать с ним в спор в самом начале их патрулирования, а также потому, что втайне Гермियोны была с ним согласна, она промолчала. Пара молча спустилась по винтовой лестнице. Стоило им выйти в коридор пятого этажа, Малфой уже говорил полным скуки голосом:

— С чего бы ты хотела начать?

— Раньше мне не доводилось патрулировать нижние этажи, — пожала она плечами. Гриффиндорские и пуффендуйские старосты всегда обходили верхнюю часть замка; когтевранские и слизеринские обычно шли по нижним.

— Тогда нам сюда, — решил за неё Малфой и направился к центру замка, где спустился по другой лестнице.

Гермиона не ожидала от Драко подвоха, но всё же держала ухо востро. Стоит парню ударить её, совершенно очевидной будет и его вина. В то же время девушка не могла отделаться от мысли касательно слов Полумны об искуплении. Об экстремистской лояльности его семейки к чистокровным во время войны было известно каждому. Конечно, он не стал бы ломать предложенную оливковую ветвь...